

Наблюдать за собственной смертью — куда страшнее, чем сама смерть.

Всего за три секунды Ци Хань отчётливо и мучительно ощутил, как его лёгкие сжимаются в тиски, а сердце бьётся так яростно, что кажется, будто вот-вот взорвётся.

Корень языка распух в несколько раз, словно плотный кусок клея, намертво закупорив горло. Кислород не проходил, слова не выходили.

Я не могу умереть сейчас. Я должен жениться...

Из пересохшего горла вырывались хриплые, рваные звуки, глаза налились кровью и остекленело смотрели на экран телефона, где всё ещё горела сегодняшняя дата.

Изогнутое тело содрогалось в конвульсиях, пальцы судорожно шарили по карману в поисках чего-то, пока не нащупали ручку.

И в ту самую секунду, когда кислород окончательно иссяк и перед глазами всё заволочло густой тьмой, он, почти не раздумывая, прикусил корпус ручки и вытащил стержень.

А потом, резко вскинув руку, без колебаний вогнал пластиковый корпус прямо в горло.

— Угх! —

Острая, пронзающая боль взорвалась в теле, и приглушенный стон сорвался с губ. Но через мгновение разорванная трахея позволила воздуху хлынуть внутрь, и чистый кислород обжёг лёгкие почти болезненно.

Ци Хань рухнул на колени, лбом ударился о землю и, как утопающий, судорожно хватал ртом воздух, захлёбываясь кислородом. Слёзы и сопли стекали по лицу, искажённому от боли и паники.

На самом деле он никогда не учился делать такие вещи. Только однажды краем уха слышал, как отец рассказывал о методах экстренной помощи при удушье — когда пробивают горло, чтобы дать доступ воздуху.

И сейчас, склонившись на землю, хватая ртом воздух, он отчаянно цеплялся за это тонкое знание, как за единственную соломинку, чтобы не уйти в пустоту.

К счастью, небеса всё же оставили ему один шанс.

Ци Хань медленно осел на снег, осторожно удерживая ручку в горле, боясь хоть на мгновение

ослабить хватку — вдруг тогда кровь хлынет фонтаном.

Дыхание альфы было сбивчивым и слабым, глаза налились краснотой, и горячие слёзы безостановочно катились по щекам, оставляя солёные дорожки.

Пустым, невидящим взглядом он всё так же смотрел в сторону, где скрылся Фу Гэ.

Этот отвернувшийся силуэт, который не удостоил его даже коротким взглядом, причинял боль в тысячи раз сильнее самой смерти.

Прошло всего пять минут, как его бросил любимый человек, а он уже был готов сдаться, утонуть в этой безысходности, прекратить все мучения.

“Я всё разрушил... Всё из-за меня...”

Ци Хань почти полз вниз по горе.

Пройдёт пару шагов — и тут же падает, поднимается и снова тащится дальше, а если уже не в силах подняться, то просто лежит какое-то время, с трудом переводя дыхание. А потом, опираясь на руки, вновь поднимается и медленно, как заблудшая душа, плетётся вниз.

Он вызвал 120, включил фонарик на телефоне и направил луч вниз, пытаясь хоть как-то привлечь внимание. А потом поставил на максимум какую-то рок-композицию, чтобы звук дошёл до проходящих мимо людей.

Когда он наконец добрался до последнего склона, силы окончательно оставили его, и он свалился вниз головой.

— Эй! Братан! — сильные руки подхватили его прямо перед землёй. Ци Хань прищурился и, сквозь пелену, узнал того самого молодого тибетца, который угощал его кумысом.

— Что с тобой?! — парень в панике попытался поставить его на ноги и громко окликнул кого-то вдали, зовя на помощь.

Темнота сгущалась, и он не заметил, что в горло Ци Ханя воткнута ручка. Решив, что тот просто замёрз, он потянулся за флягой с кумысом, чтобы его отогреть.

Ци Хань с трудом отстранил его, губы распухли и еле шевелились:

— В-в кумысе... э-э... орех... гр-гре...цкий...

— Ага, я туда добавил ореховую настойку! — радостно ответил парень. — Моему омеге нравится! Тебе тоже вкусно, да?

Ци Хань: "..."

Ци Хань:

— У меня... а-аллергия... отведи... в больницу...

Не успел он договорить, как мир перед глазами снова потемнел, и он тяжело рухнул на землю без сознания.

Парень отвёз его в ближайшую больницу. Анализы, капельницы, уколы — всё прошло быстро и чётко. Не прошло и трёх часов, как Ци Хань пришёл в себя, но глаза и язык всё ещё были распухшими.

Когда парень узнал, что это его кумыс вызвал у Ци Ханя аллергию, то едва не поседел от ужаса. Смешивая тибетский с китайским, он нескончаемым потоком извинялся, перемежая слова с судорожными вздохами.

Ци Хань с трудом поднял руку и махнул:

— Всё нормально... я не в претензии...

— Эм... пока я был в отключке, кто-нибудь приходил? — вопрос сорвался с губ сам собой, и он сам почувствовал, насколько нелепо это прозвучало.

Однако парень вдруг оживился:

— Ты про того с розовыми волосами? Который сегодня выиграл заезд? Говорит тихо, и слева у него ямочка?

— Да! Это он! — Ци Хань резко сел, так быстро, что игла капельницы тут же проткнула вену и кровь побежала обратно. Он сглотнул, голос дрогнул: — Он приходил?! Когда?! Он что-нибудь говорил? Он ещё здесь?!

— А? — тибетец заморгал. — Нет, не приходил. Я просто спросил, про него ли ты говоришь.

Улыбка тут же застыла на губах. Свет в глазах Ци Ханя потух, он медленно кивнул:

— Понял... ясно...

— Ты, наверное, хочешь найти своего парня? — парень расплылся в широкой улыбке. — Скажи, в каком он отеле, я могу за ним сходить!

— Не надо... — тихо ответил Ци Хань. — Он, наверное, уже спит.

А может, и не спит. Но, скорее всего, и не захочет прийти.

— Разбуди! Ты чего! — возмутился тибетец. — У тебя ведь серьёзные травмы!

Он даже рукой ткнул в шею Ци Ханя, обмотанную бинтами. Вспоминая, как ручка торчала из трахеи, парень невольно поёжился: такого дикого способа спасения он ещё не видел.

— Врачи сказали, что тебе ещё нужно проходить обследования, — добавил он. — Тебе точно нужен кто-то рядом!

Глаза Ци Ханя потускнели. Он натянуто улыбнулся:

— Всё нормально. Пара царапин, не страшно. Пусть отдыхает в отеле.

На самом деле, ничего не было нормально. Раненый человек особенно уязвим, когда оказывается в незнакомом месте, совсем один. Это человеческая природа.

Ему так хотелось позвонить Фу Гэ. Но он не мог, потому что слишком боялся, что в ответ услышит лишь знакомое, пропитанное ненавистью: “Не доставай меня.”

Узнав, что у Ци Ханя нет никого, кто бы остался с ним в больнице, молодой тибетец наотрез отказался уходить. Он упрямо заявил, что останется до утра, но Ци Хань, измученный и разбитый, всё-таки настоял и буквально вытолкнул его из палаты.

За дверью всё ещё торчал тот самый маленький омега, который, видно, уже засыпал на ходу. Он устало покачивался из стороны в сторону, кивал и вздрагивал, как игрушечный неваляшка.

Ци Ханю стало не по себе. Не хотелось рушить чьё-то счастье только потому, что его собственного больше не было.

Когда парень ушёл, Ци Хань молча провёл ещё два часа под капельницей. Сил давно не осталось, глаза слипались от усталости, но он не смел позволить себе заснуть.

Во-первых, некому было следить за капельницей: если бы лекарство закончилось, а иглу не вынули, кровь пошла бы обратно.

Во-вторых, он всё ещё не мог справиться со своей боязнью игл. Стоило закрыть глаза, как тут же перед внутренним взором вставали сцены, где его держат, колот, пытаются... Сны становились пыткой, и Ци Хань боялся, что, если провалится в сон, то начнёт кричать и рыдать прямо здесь, в палате.

Сегодня он и так был достаточно жалок.

Так он и пролежал с открытыми глазами всю ночь, не смея даже моргнуть. Лишь когда за окном начало светать, веки наконец сомкнулись сами собой, и он провалился в тяжёлую дремоту. Всего на полчаса.

Тридцать дней медового месяца.

Прошло только три, а казалось, что Ци Хань постарел на целую вечность. Он будто скинул добрый десяток килограммов, и то небольшое подобие уверенности, что было в начале поездки, растаяло без следа.

Этот спектакль, в котором они оба отчаянно притворялись, стал настолько нелепым и абсурдным, что силы играть уже не осталось ни у Фу Гэ, ни у него.

Он долго не задерживался в больнице. Как только отёки на лице начали спадать и боль стала терпимой, Ци Хань тут же подписал бумаги на выписку. Натянул свитер с высоким горлом, чтобы скрыть бинты на шее, и, хоть красные пятна всё ещё просвечивали вокруг глаз, поспешил вернуться в отель.

На самом деле можно было и не спешить. Но ему до боли хотелось поскорее увидеть Фу Гэ.

Этот медовый месяц и не был таковым. Это был просто отсчёт до смерти, милостиво подаренный ему Фу Гэ.

И Ци Хань уже не смел мечтать ни о чём.

Но когда он, шатаясь, добрался до отеля и уже потянулся к дверной ручке, — свет, который был ему дороже всего на свете, уже исчез.

Ци Хань замер на пороге. Именно в этот момент двери отеля открылись, и он увидел, как Фу Гэ выходит наружу.

Рядом с ним шла та самая девушка, что вчера призналась ему в любви.

Она нежно обхватила его за локоть, что-то весело щебетала, а Фу Гэ смотрел на неё и даже смеялся, чуть склоняя голову ближе.

Они непринуждённо обменялись парой фраз и с улыбками сели в такси, которое тут же сорвалось с места и растаяло в серой дымке.

Ци Хань не пошевелился.

И было даже не больно.

Просто очень тихо и очень холодно.

На лице маленького беты было написано такое облегчение и спокойствие, какого Ци Хань никогда раньше не видел.

Через несколько минут телефон мягко завибрировал в руке.

Первая за два дня смс от Фу Гэ:

“Сегодня хочу погулять один. Не ищи меня.”

Ци Хань, прижавшись спиной к холодной стене, ещё долго смотрел в сторону, где давно исчезло такси.

Пальцы дрожали, когда он набирал ответ:

“Хорошо.”

Внезапно он вспомнил вчерашний разговор с молодым тибетцем, ещё до начала скачек. Тогда тот пожелал ему и Фу Гэ счастья и долгих лет вместе.

Но Ци Хань даже на такое простое пожелание не смог ответить уверенно.

Он изо всех сил натянул улыбку и лишь выдавил:

— Может быть...

А сегодня он понял, что и это было ложью.

Потому что Фу Гэ был счастлив с кем угодно, только не с ним.

Когда часы показали десять вечера, а Фу Гэ так и не вернулся, Ци Хань позвонил на ресепшн и

попросил заказать что-нибудь лёгкое для ужина. Попросил доставить попозже, чтобы блюдо не остыло.

Потом, накинув пальто, он вышел в ночь, чтобы встретиться с Канчжуо.

Канчжуо — тот самый тибетец с ореховым кумысом. В качестве компенсации за аллергию он пообещал научить Ци Ханя правильно молиться за счастье и благополучие.

Так же, как пять лет назад делал Фу Гэ, когда они вдвоём поднимались на гору.

Перед подъёмом Ци Хань специально зашёл в сувенирную лавку и купил хада.

Белоснежный, точно такой же, как тот, что выиграл Фу Гэ на скачках.

Он стоял перед зеркалом в гостиничном номере, аккуратно накинул его себе на шею и, глядя на своё отражение, заставил себя улыбнуться.

Традиционные обряды молитвы обычно проводятся ночью. Начинаются они, когда опускается тьма, а заканчиваются только с первыми лучами рассвета, когда солнце заливают вершины горы Гэньнэшэнь ослепительным золотым светом.

Канчжуо объяснил, что молитвы звучат искреннее на тибетском — тогда снежные вершины будут хранить твоего любимого.

— Тогда переведи мои слова на тибетский, а я повторю?

— Конечно! — Канчжуо засмеялся, открыто и добродушно.

Он вытащил бумагу и ручку, аккуратно записывал каждую фразу, что говорил Ци Хань, а потом учил его произносить их на тибетском. Начинать надо было с имени того, кому посвящена молитва.

— Его зовут Фу Гэ. Гэ, как в слове “песня”.

— Песня... Какое красивое имя.

Ци Хань тихо рассмеялся, улыбка вышла печальной и нежной:

— Да... Он и сам очень красивый.

Канчжуо понимающе кивнул и продолжил записывать:

— Теперь твоё имя. Ци Хань. Как пишется “Хань”?

Он слышал, как Ци Хань представлялся в больнице, но не знал, какие именно иероглифы используются.

— Нет! Не надо писать моего имени... — Ци Хань торопливо потянулся остановить его, но не успел. Рука замерла в воздухе, и он на секунду застыл, а потом еле слышно добавил:

— Давай лучше на новой бумаге... Не нужно писать наши имена вместе.

Канчжуо непонимающе уставился на него. Будто он избегал своего собственного имени, как чего-то грязного, чего-то недостойного Фу Гэ.

— Но ведь это молитва за вас двоих, — удивлённо возразил Канчжуо. — Горы будут оберегать вас вместе.

Ци Хань лишь натянуто улыбнулся:

— Не нужно. Меня уже никто не сможет защитить...

— Ну ты и странный, конечно, — пробормотал тибетец, недоумённо почесав затылок. Он так и не понял, почему, но послушно сменил лист.

— Ладно, говори свои желания, а я переведу.

Ци Хань обхватил пальцами молитвенный барабан, повернулся лицом к горам и долго молчал. Лёгкий ветер дул в лицо, трепал волосы, и когда он наконец заговорил, голос его был тихим, как ночной ветер, скользящий над ущельями.

— Первое желание... Пусть мой любимый будет здоров, счастлив и проживёт сто лет без тревог.

— Второе... Пусть он отомстит за всё, что с ним сделали, и выберется из этого кошмара.

— Третье... Пусть он найдёт того, кому сможет доверить свою жизнь. Пусть у него будет любящий партнёр и смелый, хороший ребёнок. Пусть их семья будет счастливой.

— Четвёртое... — голос дрогнул, пальцы едва заметно сжались на холодном металле. — Пусть в следующей жизни... мой маленький Фу Гэ... никогда не встретит меня.

<http://bllate.org/book/14453/1278341>